

Лукавинъ ухмыльнулся.

— Барышня важная, — вымолвилъ онъ, — не для насъ только.

— Да ты бы приволокнулся?

Но Петръ Лукьянычъ даже нѣсколько рассердился.

— Что городить! — сказалъ онъ: — Варвара Алексѣевна принца ожидаетъ.

— Напрасно ты, — совершенно серьезно возразилъ Облѣпищевъ, — я, по крайней мѣрѣ, думаю, что ты ей очень нравишься.

— А развѣ она что-нибудь говорила? — живо отозвался Лукавинъ.

Облѣпищевъ засмѣялся.

— Сказалось сердечко! — пошутилъ онъ (внутри же себя подумалъ: какой я, однако, пошлякъ!).

— Вотъ, что, Михайло Иракличъ, — рѣшительно произнесъ Петръ Лукьянычъ, придвигаясь къ графу, — будемъ говорить прямо: барышня мнѣ больно по душѣ. Приданого мы не токмо съ Алексѣя Борисыча — ему сахарный заводъ выстроимъ. Дѣло для насъ пустяковое. И папаша не прочь. А съ тобой (графа кольнула эта неожиданная фамиллярность), съ тобой мы сдѣлаемся по-дружески: ежели понадобится кредиторъ на парижскаго Ротшильда, мы это и безъ папашы устроимъ.

Графъ оскорбился.

— Ты, Riege, напрасно думаешь... — началъ онъ.

Но Лукавинъ всталъ и по-пріятельски ударилъ его по плечу.

— Будешь толковать, — сказалъ онъ: — сочтемся — люди свои!

Тогда Облѣпищевъ пожалъ плечами и подумалъ: «а и въ самомъ дѣлѣ не стоитъ съ нимъ церемониться!» — Спустя немного, онъ разсказалъ ему, что и Волхонскій на ихъ сторонѣ, и что все дѣло теперь только за Варей.

— Только! — насмѣшливо воскликнулъ Лукавинъ, и озабоченно почесалъ въ затылкѣ. Облѣпищевъ же вышелъ отъ него скучный и взволнованный и долго терзалъ рояль надрывающими звуками Шопеновской мазурки.

XVI.

Что-то странное совершилось съ Варей. Она такъ весело болтала и шутила, такъ была оживлена и подвижна, когда вечеромъ сошла въ гостиную, что Алексѣй Борисовичъ даже съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Но онъ не примѣтилъ особаго выраженія тупой и мрачной тоски, иногда появлявшейся въ ея взглядѣ,